

ПРОБЛЕМА МНОГОАСПЕКТНОСТИ СООТНОШЕНИЯ ИСТИНЫ И МОРАЛИ

В статье предпринята попытка обоснования многоаспектного, многоуровневого характера соотношения истины и морали через понятие истинности морального суждения. Показывая ограниченность гносеологического понимания истины, равно как и ограниченность сугубо социологического понимания морали, автор рассматривает соотношение данных феноменов на онтологическом, экзистенциальном и собственно гносеологическом уровнях.

Цель статьи – обосновать многоаспектный, многоуровневый характер понимания как истины, так и морали, а также показать их соотношение на онтологическом, гносеологическом и экзистенциальном уровнях.

Исследование, как, впрочем, и сама постановка проблемы многоаспектности соотношения истины и морали, имеет, по нашему мнению, свою несомненную теоретическую и жизненно-практическую актуальность, которая может быть выражена следующими тремя основными положениями:

1. Углубление современного нравственного кризиса, наличие которого констатируется большинством мыслителей, на наш взгляд, может быть вызвано деформацией основных параметров человеческого бытия, то есть кризисом антропологическим. Этот кризис касается не отдельных результатов человеческой деятельности, но способа бытия как такового. Сегодня все важнейшие отношения определяются рынком, господством над человеком вещей и вещных отношений, всеобщим эквивалентом которых являются деньги. Вещные отношения, вещьность в современном массовом обществе как никогда активно противопоставляются личности и всему процессу духовного творчества. На наш взгляд, именно поэтому характерной чертой развития мировой философии на современном этапе является ее осязаемый антропологический «разворот», стремление не просто поставить человека в центр философских размышлений о мире, но и глубоко осмыслить специфику самой человеческой реальности. Выражаясь словами Н. Аббаньяно, можно сказать: «Конфликт, лежащий в основе проблемы, – это не конфликт между двумя дисциплинами... это более глубокий конфликт, укорененный в самом бытии человека и в его конкретных актах поведения. Разрешение этого конфликта, если оно суще-

ствует, не может быть сведено лишь к теоретическому постижению: оно должно затронуть и непосредственно охватить экзистенцию человека» [1, с. 146]. Острота современного нравственного кризиса, таким образом, заключается в том, что ему оказались подвержены не просто отдельные культуры и цивилизации, но человек как родовое существо. При этом философская мысль все активнее движется от упрощенных «моделей» понимания человека, в которых он представлен как явление «вторичного», производственного порядка, продукт окружающей социальной среды, носитель общественного сознания, элемент производительных сил, к обнаружению в нем самом специфических импульсов внутренней свободы и ответственности. Такая качественная направленность в развитии современной философии делает закономерным обращение к вопросу о соотношении истины и морали.

2. Современная этика столкнулась со сложной ситуацией, в которой многие традиционные моральные ценности оказались пересмотрены. Прежние основания исходных моральных принципов потеряли свое значение в связи с глобальными процессами, развивающимися в обществе, и быстрым темпом изменения производства, его переориентацией на массовое потребление. Это, с одной стороны, привело к антинормативистскому повороту в этике и выразилось в желании провозгласить отдельного человека полноценным и самостоятельным субъектом нравственного требования, возложить на него все бремя ответственности за самостоятельно принимаемые решения. Антинормативистская тенденция представлена в идеях А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, Ф. Ницше, в экзистенциализме, в постмодернизме. С другой стороны, возникло желание ограничить область этического достаточно узким кругом вопросов, связанных с формулировкой таких

правил поведения, которые могут быть приняты людьми с разными жизненными ориентациями, с разным пониманием целей человеческого бытия, идеалов самосовершенствования. В результате категория истины оказалась как бы выведена за пределы морали, и последняя стала развиваться в основном как этика правил. Важным шагом, представляющим реакцию на современную ситуацию в развитии общества, стала попытка понять мораль в конструктивном плане, представить ее как бесконечный в своем продолжении дискурс. Это получает развитие в трудах К.О. Апеля, Ю. Хабермаса, Р. Алекси и др., направленных против антинормативизма. Кроме того, на наш взгляд, очевидно, что если мораль, понимаемая только социологически – как форма общественного сознания, как продукт развития социума, может быть объяснена изменениями самого социума, то мораль, понимаемая как важнейшее проявление *личностного бытия* человека, связанного с его уникальными жизненными смыслами, борьбой мотивов, свободой воли, – феномен, обусловленный способностью человека осуществлять свое бытие в значительной степени в автономном от внешних – социальных, экономических, идеологических факторов. Показательно в этой связи мнение И.А. Мадояна и О.Е. Баксанского: «Когда мы пытаемся понять человека, его поведение и ценностные установки, всегда следует принимать во внимание, что всякий индивид един и целостен. Эта цельность «Я» создает уникальный характер переживаний каждого человека. В человеке невозможно разделить органическое и психическое, осознаваемое и неосознаваемое, чувство и мысль. Более того, сознание человека не может быть сведено ни к его основным потребностям и защитам, за что выступает психоанализ, ни к эпифеноменам, за что ратует биохевиоризм» [5, с. 142-143].

3. С современными антропологическим и нравственным кризисами связан и глобальный экологический кризис. Очевидно, что на базе современного рационализма идет жесткое столкновение личности с природой, в котором победу одерживает человеческий эгоизм, лишаящий будущее поколение всякой перспективы. Отсутствие нравственного иммунитета толкает человечество к распаду био-

логического иммунитета и экологическому геноциду. Все более очевидным становится то, что для истребления людей на Земле не нужна война. Быстрое снижение качества окружающей среды обострило проблему сохранения генофонда человека. Нынешний уровень рождаемости детей с генетическими повреждениями достигает 17%. По мнению академика В.И. Осипова, простая интерполяция роста генетических повреждений показывает, что если этот процесс и дальше пойдет такими же темпами, то для вымирания людей потребуется всего лишь несколько поколений, так как генные повреждения у 30% особей популяции уже приводят к ее гибели [7, с. 1003].

Таким образом, наличие антропологического, нравственного и экологического кризисов современности делает, на наш взгляд, необходимым выход к такой этической парадигме, которая раскрывала бы мораль не просто как надстройку, определяемую базисом, не просто как форму общественного сознания или совокупность норм и правил общения между людьми, санкционированных общественным мнением, но как *онтологически присущий человеку способ бытия*, один из реальных и необходимых путей реализации им своей собственно человеческой сути. А это в свою очередь подводит нас к необходимости анализа взаимосвязи морали и истины.

Проблемы соотношения истины и морали проанализированы в философской литературе недостаточно. Прежде всего необходимо отметить тот факт, что истина, как правило, понимается лишь как гносеологическая категория, употребляемая по большей части в логико-семантическом плане. На наш взгляд, такой подход является ограниченным и односторонним. Мораль же, как правило, понимается ограниченно социологически. В работах, посвященных проблематике соотношения истины и морали, чаще всего используется именно классическая трактовка истины, понимаемой как правильное, адекватное отражение предметов и явлений действительности познающим субъектом [4, с. 189]. Такой подход продолжает традицию разделения рассуждений о морали и рассуждений о науке, нам представляется связь этой традиции с проблемой отношения знаний и ценностей.

Сложность понимания природы феномена истины возникает из-за того, что само понятие истины сопрягается с целым спектром близких по смыслу терминов: достоверность, подлинность, правда, очевидность, правильность и пр. Поэтому мы выделяем три основных аспекта, определяющих специфику понимания истины, а также соотношения истины и морали: собственно гносеологический, онтологический и экзистенциальный. Соотношение же истины и морали, на наш взгляд, наилучшим образом характеризует понятие *истинности морального суждения* – вербального выражения рефлексии об отношении должного и сущего. Коротко рассмотрим специфику истинности морального суждения на выделенных уровнях.

Онтологический аспект понимания соотношения истины и морали является исторически первым и характеризуется тем, что истина трактуется как свойство бытия либо как подлинное бытие, противостоящее иллюзорному, а мораль – как должное следование истинному бытию. Истину, понимающуюся онтологически, первоначально характеризовали такие абстракции, как: неизменное бытие Парменида и Зенона Элейского, выходящий за пределы опыта апейрон Анаксимандра; Нус (разум) как самый легкий элемент, служащий причиной движения гомеомерий у Анаксагора; мировая единица как религиозное основание в учении пифагорейцев; первоэлементы Эмпедокла; Вечный Огонь Гераклита Эфесского, мир платоновских идей, Единое Плотина и пр. Также онтологическое толкование истины характерно для религиозной философии. Онтологический уровень понимания истины подразумевает под ней некую сущность, к которой можно свести все эмпирические метаморфозы, которая стоит за явлениями и обуславливает их, поэтому она бесконечна, неисчерпаема, без начала и конца, вечна, вездесуща, то есть обладает *онтологическими* характеристиками. Особенно характерно данное понимание истинного бытия для элеатской традиции. Так, Парменид говорит о том, что «небытие» не может существовать и потому немыслимо, ведь всякое мышление опирается на существующее, дающее ему содержание. В этом проявляется тождество бытия и мышления, характерное в

разной степени для натурфилософии в целом. По мнению А.А. Гусейнова, сама идея поиска истины (первоначально неизменного онтологического основания) стимулируются не только собственно познавательными причинами: «возможно более существенную роль играют причины, связанные с поведением, организацией человеческих взаимоотношений в обществе» [2, с. 49]. Действительно, Гераклит выводил из логоса человеческие добродетели, связывая их с сухостью души. Анаксимандр, формулируя закон соотношения апейрона и единичных вещей, ссылается на справедливость равного возмездия. Древние атомисты Демокрит и Левкипп, а за ними и Эпикур, признают истинным бытием атом – часть абсолютного бытия, вечную и неизменную, неделимую, однородную и познаваемую. Условием обособления и разнообразия атомов признается пустота. Из этого вытекает индивидуализм Демокрита в достижении счастья.

Лучше всего онтологическое понимание истины и морали прослеживается в философии Платона. Все свои основные добродетели – мудрость, мужество, воздержанность и справедливость – он выводит из устройства Вселенной, где противостоят духовное и материальное начала, затем они изображаются в качестве изначально данных свойств души (разум, воля, чувственность, равновесие) и лишь потом проецируются на социум, в котором сообразно преобладанию у людей того или иного свойства души происходит деление их на сословия, каждому из которых предписывается своя добродетель. Таким образом, добродетели у Платона – это не столько моральные, предписываемые людям качества, которые в них должно воспитывать, но *естественные* воплощения в обществе разумного, волевого и чувственного начал человеческой «псюхе», олицетворения космического миропорядка, подлинного бытия. Линию досократиков и Платона продолжили представители религиозной философии. Теология представляет собой нерасчлененный синкретизм онтологической, гносеологической и ценностной (моральной) проблематики. Первоначало мира представляется как творящий субъект, не только порождающий все сущее, но и тем самым наделяющий природный и человечес-

кий мир моральными качествами. Вселенная с самого начала наделена ценностными значениями – как творение всеблаготворного Бога и как результат отпадения от него, как мир «божественный» и одновременно «греховный», как добро от Бога и зло от дьявола.

Таким образом, и мораль, и истина, прежде всего в натурфилософии, а также в религиозной традиции, понимаются именно онтологически, как некое свойство подлинного бытия. На данном уровне понимания моральное суждение личности исходит из общего комплекса онтологических и теологических вопросов. Соотношение морального и аморального фактически понимается как противостояние духа и материи, души и тела, добра и зла, божественного и греховного. Критерием истинности морального суждения личности выступает непосредственная духовная очевидность либо религиозное откровение. Кроме того, онтологическое понимание истинности морального суждения присуще и обыденному сознанию, где истинность морального суждения сопрягается с законосообразным или идеалосообразным бытием. Такие понятия, как «истинный политик», «настоящий ученый» и пр., подразумевают, что нечто *бытийствует* в полном соответствии со своим эталоном или идеалом.

Говоря о *гносеологическом аспекте* понимания соотношения истины и морали, необходимо отметить, что даже беглый обзор истории западноевропейской философской мысли показывает отчетливо выраженную тенденцию эпистемологии к расширению своего предметного поля – вплоть до включения в его границы всего «внутреннего мира» человека. Как следствие, духовная активность субъекта определялась в целом как «*познание*», идеальные продукты этой активности – как «*знания*».

Это в полной мере относится и к морали, которую, начиная с Сократа, многие философы, идеологи и моралисты рассматривали как познавательную и обучающую деятельность, а ценностные проблемы ставились и решались по тем же образцам и теми же методами, что и проблемы познания. Отечественный философ морали Л.В. Максимов называет концепции, преувеличивающие роль и место когнитивной (рациональной)

составляющей духа, а фактически и редуцирующие ценности к знаниям, *когнитивистской парадигмой обществознания* [6, с. 10].

Вышесказанное позволяет представить гносеологический аспект соотношения истины и морали в основном как описанный выше когнитивизм, органически встроенный в систему гуманитарной мысли. Это объясняется тем, что рационализм Нового времени закрепил за истиной *исключительно познавательный статус* и расшифровал ее как объективное содержание субъективных человеческих представлений. Философско-методологическим началом и классической формулой рационализма является знаменитое положение Декарта: «мыслю, следовательно, существую». Мысль лежит в основании представлений о сущем и позволяет пользоваться предикатом «есть». Поэтому человек в качестве мыслящего существа становится субъектом, а все, что находится за пределами мыслящей субстанции, становится объектом познания. Тезис «мыслю, следовательно, существую» является философским началом, первопринципом познания как раз в силу абсолютной очевидности. Границы бытия очерчиваются границами истинного знания. Истинно только то, что выдерживает проверку методически последовательным, научным мышлением, обладает несомненной доказательной силой.

Такая методологическая установка явилась предпосылкой рассмотрения любого проявления духовной активности, в том числе и морального выбора как познавательно-конструктивной деятельности.

На гносеологическом уровне существует большое количество концепций понимания как истины. Коротко остановимся на трех из них.

Представители корреспондентской концепции понимают под истиной соответствие человеческих знаний реальному положению дел, объективной действительности. В явной форме классическую корреспондентскую концепцию можно найти у Аристотеля. В отличие от Платона он лишь частично признавал врожденный (онтологический) характер моральных качеств человека. Для него в добродетели важно не только само действие, но и «известное душевное состояние», важно, чтобы человек

поступал *сознательно*, с определенным намерением, с таким, чтобы совершаемое действие выступало для человека как «цель сама по себе», наконец, чтобы деятельное лицо всегда «твердо и неизменно держалось известных принципов в своей деятельности».

С точки зрения представителей конвенциональной концепции истина есть продукт гласного (а чаще – негласного) соглашения между участниками познавательного процесса. Мораль же понимается как конвенция, способствующая выполнению определенных прагматических, социально-идеологических функций. Данная идея фактически берет свое начало с теории общественного договора Т. Гоббса. Однако наличие в разных сообществах собственных «правил игры» ведет к релятивизму. Сам тезис, что истина – всегда продукт соглашения, опровергает себя же, ибо подразумевает, что независимо от всяких соглашений этот тезис должен квалифицироваться как истинный.

Суть концепции прагматизма сводится к тому, что знание может считаться истинным, если способно обеспечить получение некоего реального (экспериментального, утилитарно-прагматического и т. д.) результата. Иными словами, истинность отождествляется с пользой или результативностью. Традиционно считается, что концепция прагматизма является одним из вариантов критики отвлеченной метафизики. Так, широко известно выражение Ф. Ницше, которого относят к родоначальникам прагматизма: истина – вид заблуждения, без которого определенный род живых существ не мог бы жить. Прагматистская концепция истины напрямую повлияла на укрепление позиций этического утилитаризма.

Фактически в рамках гносеологического аспекта понимания соотношения истины и морали имплицитно утвердился методологический принцип, согласно которому все то, что составляет духовный мир, психику человека, может быть редуцировано к знанию (познанию). Мораль не составляла исключения, ее оценки и императивы рассматривались как когнитивные высказывания, как знание, к которому применима вся исторически выработанная эпистемологическая атрибутика: истинное – ложное, опытное – умопостигаемое, чув-

ственное – рациональное и т. д. Однако в середине XX века в полной мере заявил о себе так называемый *нонкогнитивизм*. Нонкогнитивисты (прежде всего аналитики-эмотивисты) доказывали, что ценностные суждения органически связаны с теми аффективно-конативными феноменами психики, некогнитивность которых общепризнанна, поэтому ценностные суждения *нереференты*, они не могут быть истинными или ложными. В принципе, схожие критические идеи спорадически, без обобщений и далеко идущих выводов, высказывались и прежде, начиная с Античности. Нонкогнитивизм XIX – XX вв. включал различные формы иррационализма, антисциентизма, органицизма, постмодернизма и пр. Особое место в критике когнитивизма занимает *экзистенциализм*.

Экзистенциальный аспект понимания соотношения истины и морали фиксируется понятиями правда, праведность, правота. Как философское течение экзистенциализм не является однородным, но его представители сходятся в плане ценностного истолкования истины. Под истиной (подлинностью, правдой) в данном аспекте понимается личностно продуманная и прочувствованная *ценность*, которая принимается человеком всем его существом и искренне утверждается в жизненных поступках. Такая ценность способствует творческой самореализации личности, стимулирует ее духовный рост. Экзистенциальная истина обнаруживается в пограничных жизненных ситуациях, часто заставляя переосмыслить житейские стереотипы и так называемые объективные истины.

Необходимо отметить, что экзистенциальный аспект видения истины часто смыкается с ее онтологическим аспектом. По М. Хайдеггеру, истина в аутентичном греческом значении означает нескрывтость бытия, подлинное его измерение, пребывающее с человеком. При экзистенциальном аспекте понимания истины отбрасывается и традиционная трактовка морали. Фактически моральное начало понимается как нечто полностью растворимое в синкретичном жизненном бытии человека и неразличимое в целостном его существовании. Тот же М. Хайдеггер усматривает в исторически происшедшем разделении областей «этики», «логики» и «физики» утра-

ту исконности человеческого сознания, для которого этика и онтология – суть одно и то же. Г. Марсель также выступает против выделения области моральных ценностей в особую сферу: «То, что мы сегодня называем ценностью, фактически есть то, что раньше в средневековой схоластике называли модусами или перфекциями бытия...» [3, с. 17]. Согласно Г. Марселю, моральный выбор, решение о том, «что мы должны делать, является в действительности радикальным выбором между бытием и небытием» [3]. Наконец, широко известно выражение К. Яспера: «Моралью называются законы, которым люди повинуются в своем поведении и внутреннем настрое таким образом, что люди при этом становятся лишь тем, что они суть».

Таким образом, проблема соотношения истины и морали, которую можно также определить как проблему истинности морального суждения, остается в современной этике и философии столь же актуальной, как и в философии прошлых лет. Доминирующий долгое время когнитивизм определял смысл «истины» как содержательную характеристику знаний философского и научного характера, фиксируемых языковыми средствами. Это же относилось и к морали. Нам представляется уместным родство соответствующих проблем: как при исследовании феномена истины, так и при исследовании феномена морали часто не обозначается (либо не осознается) *многоуровневость* их понимания.

Осознание многоуровневости феноменов истины и морали позволяет лучше понять специфику их взаимоотношения.

Вышесказанное также позволяет отметить, что понятие истины употребляется в двух (часто плохо различаемых самими носителями языка) смыслах: собственно когнитивном (гносеологический аспект) – «истина» как соответствие образа своему предмету; и ценностном – «истина» как соответствие предмета некоторому «образцу», идеалу (онтологический и отчасти экзистенциальный аспекты). Выделенные нами аспекты понимания соотношения истины и морали порой сближаются, но не являются тождественными. Так, если при онтологическом и экзистенциальном (Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов, К. Ясперс и др.) аспекте критерием истинности морального суждения выступает духовная очевидность либо религиозное откровение, мистическое созерцание, то при гносеологическом понимании истины и морали таким критерием будет соответствие некой общепринятой рациональной конвенции, поиску наиболее оптимального результата, формальной безупречности и пр. Следовательно, несмотря на то, что собственно познавательная составляющая является значительной компонентой морального сознания, она не покрывает всего содержательного многообразия моральных проявлений личности, не способна автоматически «порождать» стремления к совершенствованию.

Список использованной литературы:

1. Аббаньяно Н. Экзистенция как свобода // Вопросы философии. – 1992. №8. – С. 146-158.
2. Гусейнов А.А. Философия: между знаниями и ценностями // Философские науки. – 2001. №2. – С. 47-66.
3. Дробницкий О.Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р.Г. Апресян. – М.: 2002. – 523 с.
4. Истина // Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 576 с.
5. Мадоян И.А., Баксанский О.Е. Гуманистические идеи и проблема экзистенции // Философские науки. – 1999. №3-4. – С. 138-146.
6. Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2003. – 160 с.
7. Осипов В.И. История природных катастроф на Земле // Вестник РАН. – 2004. Том 74, №11. – С. 998-1005.